

Стиль – это ответ на всё.
Свежий подход к скучному и опасному
Лучше сделать скучную вещь со
стилем, чем опасную без него.
Делать опасную вещь со стилем –
это то, что я называю искусством

Чарльз Буковски. Стиль*

Обобщённо герой книги рассказов
Алексея Ахматова «Дело труба» – современ-
ный мужчина. Ему около сорока лет, он
пребывает в так называемом кризисе сред-
него возраста, в полной мере испытывая
его искушения. У героя довольно продол-
жительный период эмоциональных сбоев;
он ещё не вполне сознаёт, но уже ощущает,
что молодость не вечна, время ускользает
сквозь пальцы. Жизненный сценарий
кто-то (не сам герой, нет-нет, уж точно не
он) подвергает бесконечным правкам: от-
меняются, запланированные ранее, яркие
сцены творческих свершений и личного
счастья. Взамен ему навязывается участие
в спонтанно возникающих эпизодах
тривиальной «человеческой комедии».
«Прекрасный дилетант на пути в гастро-
ном, – того ли ты ждал?» – вспоминаются
по прочтении книги слова песни Б. Гребен-
щикова начала 1980-х.

«На пути в гастроном и из гастроно-
ма», собственно, начинаются и заканчива-
ются почти все рассказы книги, оправды-
вая, таким образом, смысл жаргонного
фразаологизма «дело труба», означающего
состояние полной безнадёги.

Что ж, это тоже тема. История литера-
туры продолжает показывать, что она да-
лека до полной исчерпанности. Главное –
идея и язык, раскрывающий любую тему.
Дело, как известно, не в том, что изобра-
жает автор, а в том, как он это делает – и
это, кажется, неоспоримая аксиома вооб-
ще искусства. Однако данная аксиома всё
же требует третьей составляющей – воп-
рос *во имя чего*, или проще – *для чего*?

Пригвождённый к трактирной стойке и
нередкий посетитель борделей, Блок, со-
здавая сомнительную в нравственном от-
ношении «Незнакомку», поведал о ней, ри-
суя утончённый образ туманного видения,
выявляя мучительную и сладкую грёзу.

Что такое блоковская «Незнакомка» с
житейской точки зрения? Это поэтическое
переложение нехитрого мужского опыта:

ТРУБА

ЗОВЁТ НЕМОЩНЫХ

«не бывает некрасивых женщин, бывает
мало воды». Отчасти с этим согласен и
поэт, восклицающий: *in vino veritas – исти-
на в вине!* – иронизируя то ли над истиной,
то ли над незнакомками, а вместе с тем
над собой. И всё же язык, слова, найден-
ные в стихотворении, казалось бы, воспе-
вающем порок, позволяют говорить о дру-
гом: сквозь кружева иронии различим
проблеск надежды – своеобразный *призыв
милости к падшим* – для незнакомки и для
самого поэта.

Не только у Блока можно найти строки,
формально говорящие о безнадёге муж-
ского существования вообще и в частно-
сти в период вышеозначенного кризиса,
строки, которые, между тем, обретая крас-
оту языка, стилевую выразительность,
становятся если не опровержением, то худ-
ожественным противостоянием этой са-
мой безнадёге. Увидит ли читатель, следуя
за героем книги «по пути в гастроном» и в
объятия чужих жён, невидимую тропу со-
кровенного, собственного, так сказать, *Дело*
героя? Увидит ли тот изначально выбран-
ный им светлый *Путь*, скрытый за унылы-
ми поприщами, на которые героя обрекают
нескончаемые унылые обстоятельства?
Похоже, это доступно будет редкому чита-
телю с особо пронизательным взором, об-
ладающим способностями за протоколь-
ным описанием видеть душевные
движения героя. Впрочем, и такому чита-
телю это будет стоить немалых усилий.

Для примера два отрывка из рассказа
«Семицветик».

«Господи, тошно-то до чего. А от
чего тошно? Сам не пойму. Опять со-
врал. Сколько ж врать-то можно, а? Но
до этого дойдем еще. Да, дела. И добро
бы любовь неразделённая была. Добро
бы я сам был нелюбим ею. Это было бы
естественно, понятно и нормально. Это

сплошь и рядом происходит. Этим ни-
кого не удивишь. Но чтоб ответная
столько страданий приносила?! А мо-
жет, одно ощущение того, что ты сам
являешься объектом чьей-то страсти,
накладывает сладкий груз на плечи?
Только от сладости этой блевать хочет-
ся. Потому что не моя она, любовь моя.
Светка, Светлана, Светик-семицветик.
Лучик мой в темном царстве. Лазерный
мой лучик, раскрывающий мозг на
куски. Она замужем. Сын растёт. Муж –
преуспевающий бизнесмен».

Так бесхитростно герой начинает *рас-
сказывать* о своём чувстве. Автор, оче-
видно, полагает, что читатель и сам спосо-
бен представить по этим более чем скучным
дежурным описаниям, смятение, творящее-
ся в душе героя. Действительно, о тонких
переживаниях, неощутимых во плоти, муж-
чине говорить трудно, не потому ли автор и
не счёл нужным искать для них иных слов,
чем в приведённом фрагменте?

Впрочем, и для физических ощущений
при виде любимой женщины или от лёгко-
го касания её руки, от поцелуя, нежного
или оставляющего «искусанным в смяте-
ние *вишнёвый нежный рот*», – для много-
образнейших ощущений, испытываемых
мужчиной и женщиной за дверьми спаль-
ни, автор не утруждает себя поиском вы-
ражений художественной формы. Он берёт
количеством.

«У меня за этот период женщин с
десяток сменилось. Ни с одной ничего
серьёзного. Если постель несерьёзным
чем-то считать. Спали и разбегались в
разные стороны. О любви не говорю,
даже ласки в этих женщинах я не встре-
чал. Они выполняли свою работу. Ну-
жен минет – надо делать минет, парт-
нёр хочет сверху – можно и сверху.
Сзади – нет, или, что реже, – да. Все это

чуть собачья. Обычные человеческие отравления. Ничего более. Да я и не знал тогда, что бывает что-то более. Мне хотелось есть – я заходил в кафешку, хотелось спать – ложился в кровать, хотелось секса – шёл, если были деньги, в массажный кабинет, выбирал сразу двоих девушек (это лучше, чем с одной, причём, не в два, а раз в десять), ну и так далее. Желание существует, чтобы его удовлетворять».

Примеры стилевой и языковой образности книги «Дело труба» можно было бы множить, но, следуя совету О. Уайльда («Чтобы почувствовать вкус вина, не обязательно выпивать всю бочку»), остановимся.

Может быть, Алексей Ахматов в этом рассказе специально лишает героя способности опозитировать или хотя бы приукрасить «обычные человеческие отправления», привнести в их описание, если не изюминку или щепотку перчика, то, по крайней мере, юмор? Может быть.

На это обращает внимание потому, что герой/герои рассказов при такой-то простоте, граничащей с вульгарностью (не столько в негативном современном понимании слова, сколько в изначальном значении характеристики поведения и вкусов широких слоёв бедного населения), задаются вопросами мироздания, веры, Бога и дьявола. Такие вопросы возникают, но опять-таки происходит это неизменно «на пути в гастроном». Отсюда неясно, что для героев первично – означенные вопросы или «гастроном»? От этого любопытный рассказ «Апостол» вышел именно *пересказом*, несомненно, интересного, а может быть, и важнейшего, по-

воротного события в жизни героя – его встрече с человеком, доходчиво попытавшегося изложить ему *путь* к вере. Всё то же чрезмерное внимание автора к звучанию алкогольного контрапункта лишило рассказ загадки, пикантности своего рода «святочного момента», когда читатель сам бы сделал вывод, кто был тот случайный встречный, с которым герой проговорил всю ночь.

Дома, ещё в прихожей, Константин услышал, как надывается телефон. Оказывается, друзья, нехотя отпустившие его в изрядном подпитии вечером, волновались и звонили ему всю ночь. На вопросы, где же он был, Константин торжественно объявил:

– Я сегодня ночью с апостолом бухал.

– Ты с дуба рухнул? С каким апостолом? – поспышались возмущенные голоса друзей.

– С Павлом, – спокойно ответил Константин.

В 1-м послании Коринфянам апостол Павел пишет, что для немощных он был как немощный, чтобы приобрести немощных. Он поясняет, для чего он так поступал, что им двигало: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9:22). Слова, помимо того, являют ещё и как бы полновесное воплощение – *что, как и для чего* – тех самых критериев произведения искусства. Алексей Ахматов в рассказах данной книги также изрядно потрудился для того, чтобы «для всех сделаться всем». Только он не нашёл ничего лучшего для собственной *всёвоплощённости*, чем с головой погрузиться в купель/коктейль

темы алкоголя и секса – чтобы его приняли за своего и далее доверчиво внимали ему? Но всё же для кого именно он это делал? Кто эти все? Для знакомых с творчеством Венедикта Ерофеева и Эдуарда Лимонова, облекавших означенные темы в своеобразную задумчивость, в эстетско-лирико-филозофские или эпатажные рамки, язык книги «Дела труба» слишком, слишком, бледен. Тем, кто в сладких грёзах «Незнакомки» Блока, кроме иронии отчаяния, распознал предчувствие приближающейся «белочки», они также ничего нового и внятного не скажут о трагедийном восприятии жизни, которое нередко накрывает мужчину в пресловутый период кризиса среднего возраста.

При всём сказанном, я не исключаю, что автор в этих рассказах искал способ обозначить волнующий его мотив неизбежного одиночества, во всяком случае, мне это очевидно. Мне даже кажется, будто он надеялся найти, нет, не решение, а хотя бы свою точку зрения на вопросы спасения «по крайней мере некоторых» – из сострадания, из мужской солидарности... И я почти убеждён, что в деле спасения героев книги «Дело труба» не хватало – трубы. Партии трубы. Чтобы, пусть и под сурдинку в рассказах звучала бы мелодия «не для всех», а зазвучали мелодии для каждого героя. Автору всего-то надо чуть внимательней прислушаться к себе и записать эти мелодии. Тогда и слова на них лягут нужные.

